

Короткие истории

Автор:

Леонид Хлямин

Короткие истории

Леонид Хлямин

Эта книга – собрание совершенно разных текстов. Я намеренно не ставил себе целью создать какой-то один «правильный» сюжет, соблюсти единую концепцию текста и т.п. Я всегда считал такие вещи лишними; да и не для такого формата они, по крайней мере, какой предлагаю я. Однако, закончив книгу, я убедился, что все-таки сюжетная линия мною тактически соблюдается, буквально лезет наружу, помимо моей воли. Значит так должно быть. Если вы вдруг внимательно прочтете, то обязательно заметите, полагаю. Хотя этого, от Вас, читатель, совсем не требуется. Я автор неприхотливый в этом плане. Могу годами ждать, если надо, и хлеб есть черствый, если придется, ну, и все в таком духе. Многие из ниже написанного лежало годами, и я никак не мог опубликовать: что-нибудь, да не складывалось, не состыковывалось. Человеческий фактор был впереди всего, и как следствие – сдерживал и сдерживал. Что-то написанное недавно, мне удавалось выкладывать в электронном виде. Теперь это должно зажить на бумажных листах. Пусть живет. Мне кажется, я это заслужил, наконец. Я показал себя убежденным борцом на поле литературы, поскольку, сначала остальные (да и я сам) думали, что это увлечение всего лишь. Оказалось, что все это дело обстоит серьезнее. Что хорошо для меня, что мне тоже подбрасывает монетку в мою невидимую копилку. Чем удобна эта книга? Во-первых, читать можно начинать с любого места, так как к предыдущему все равно, наверное, потом вернетесь. Во-вторых, все эти тексты написаны для себя прежде всего, и поэтому не ищите здесь, умоляю, некоего главного смысла и тому подобного. Если все-таки найдете, то честь вам и хвала, как герменевтам нашей эпохи. Идите дальше. Не останавливайтесь на достигнутом. В-третьих, все же, как ни крути, но смысл некоторый имеется. Не стал бы я совсем без смысла что-то писать, верно? Любой человеческой деятельности присуща цель, осознанность. Эта книга – не исключение. В-четвертых, кто-то увидит в этих текстах неприкрытого себя. Не злитесь. Лучше посмейтесь. Да и кто бы еще о вас написал бы, а? И еще. Эта книга была бы другой, получишь у меня пропихнуть ее несколько лет назад в печать. Однако, теперь, спустя много

времени – с уверенностью вам скажу – она много бы потеряла, проиграла, так как в ней не было бы нужного градуса выдержки. Она была бы неполной, отсутствовало бы много информации, к тому времени не написанной. Теперь он есть, этот градус, благодаря событиям не столь уж далеким, хотя, безусловно, уже скрывшимся за углом времени.

ЛЕОНИД

ХЛЯМИН

Л Е О Н И Д Х Л Я М И Н

КОРОТКИЕ ИСТОРИИ

ТЕКСТЫ

Волгоград/Москва

Леонид Хлямин

КОРОТКИЕ ИСТОРИИ

Тексты публикуются в авторской редакции

Хлямин Л.

КОРОТКИЕ ИСТОРИИ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга – собрание совершенно разных текстов. Я намеренно не ставил себе целью создать какой-то один «правильный» сюжет, соблюсти единую концепцию текста и т.п. Я всегда считал такие вещи лишними; да и не для такого формата они, по крайней мере, какой предлагаю я. Однако, закончив книгу, я убедился, что все-таки сюжетная линия мною тактически соблюдается, буквально лезет наружу, помимо моей воли. Значит так должно быть. Если вы вдруг внимательно прочтете, то обязательно заметите, полагаю. Хотя этого, от Вас, читатель, совсем не требуется. Я автор неприхотливый в этом плане. Могу годами ждать, если надо, и хлеб есть черствый, если придется, ну, и все в таком духе.

Многое из ниже написанного лежало годами, и я никак не мог опубликовать: что-нибудь, да не складывалось, не состыковывалось. Человеческий фактор был впереди всего, и как следствие – сдерживал и сдерживал.

Что-то написанное недавно, мне удавалось выкладывать в электронном виде. Теперь это должно зажить на бумажных листах. Пусть живет. Мне кажется, я это заслужил, наконец. Я показал себя убежденным борцом на поле литературы, поскольку, сначала остальные (да и я сам) думали, что это увлечение всего лишь. Оказалось, что все это дело обстоит серьезнее. Что хорошо для меня, что мне тоже подбрасывает монетку в мою невидимую копилку.

Чем удобна эта книга? Во-первых, читать можно начинать с любого места, так как к предыдущему все равно, наверное, потом вернетесь.

Во-вторых, все эти тексты написаны для себя прежде всего, и поэтому не ищите здесь, умоляю, некоего главного смысла и тому подобного. Если все-таки найдете, то честь вам и хвала, как герменевтам нашей эпохи. Идите дальше. Не останавливайтесь на достигнутом.

В-третьих, все же, как ни крути, но смысл некоторый имеется. Не стал бы я совсем без смысла что-то писать, верно? Любой человеческой деятельности присуща цель, осознанность. Эта книга – не исключение.

В-четвертых, кто-то увидит в этих текстах неприкрытого себя. Не злитесь. Лучше посмейтесь. Да и кто бы еще о вас написал бы, а?

И еще.

Эта книга была бы другой, получишь у меня пропихнуть ее несколько лет назад в печать. Однако, теперь, спустя много времени – с уверенностью вам скажу – она много бы потеряла, проиграла, так как в ней не было бы нужного градуса выдержки. Она была бы неполной, отсутствовало бы много информации, к тому времени не написанной. Теперь он есть, этот градус, благодаря событиям не столь уж далеким, хотя, безусловно, уже скрывшимся за углом времени.

Л. Хлямин

КОРОТКИЕ ИСТОРИИ

Она мне прямо так и сказала: «У тебя глаза грустные, и смеешься ты часто неестественно, – видно, что переживаешь постоянно. Вообще, умные люди не бывают веселыми, они бывают скорее улыбчивыми, и только»

А я ей сказал:

– Глаза твои – словно горчичным маслом на раскаленную сковородку...

А она мне:

– А твои – словно камень бросили в хлорированную воду.

Когда мы полезли на крышу, она сказала мне:

- Полезу первой, чтобы ты мог увидеть все мои прелести, – и засмеялась.

Я сказал:

- Давай.

Она взобралась первой. Я – следом.

Пошел в парикмахерскую, с целью встретить там ее. Она не работала по ходу в этот день. «Странно», – подумал я, – «должна как раз сегодня быть ее смена».

Но подстричься пришлось. Не зря же я пришел.

Хотел подойти познакомиться. Но надо ли?! Потом окажется какой-нибудь, не дай Бог, телкой из параллельного класса. Окажется, что мы в школу в одну ходили десять с лишним лет назад. Не, на хрен надо.

Название программы: «Стихи безо всего». Прекрасное название. Вот и буду выступать с нею.

А зачем ты ее пошел искать? Не надо было бы. Два раза встретились случайно – и ладно.

Зашел у нас на даче разговор о женитьбе.

Кто-то спросил:

- Так что же получается – жена – якорь?!

- Нет! Надежная пристань.

Вывозим наутро Мишу Маленького с дачи, после того, как он там накуролесил ночью. При выезде с дачного сектора, на окраине поселка находится придорожное кафе, возле него плакат: изображена морда медведя и надпись что-то вроде - «У вас с нами зверский аппетит!», или - «Мы задаем зверский аппетит». Миша на все это смотрит с заднего сидения, начинает сипло хихикать, еще не протрезвев, по сути, и говорит: «Почему там вместо медведя изображена собачка? Или даже человек с лицом медведя?».

Я говорю:

- Правильно, Миша, это сейчас самый важный вопрос у нас, который стоит решить, после вопроса о твоём ночном поведении.

Через некоторое время водитель, наш товарищ, подвозит нас к магазину «Ман». Заходим. Я покупаю Мише пива, так как он выпросил. Покупаю продуктов каких-то. Выходим, доезжаем до ул. Невской, до перекрестка. Стоим в районе парковки. У Миши маленького в руках обнаруживается ключик от ячейки магазина.

- Что же я оставил, - говорит Миша.

- Да, что ты оставил? - спрашиваю.

- Не помню... Да, хуй с ним! - ворочает языком Миша, и бросает ключ на тротуар, - пошли...

- Игра в «Танчики» многое заменяет!

- Например?

- Например - алкоголизм, онанизм, марксизм, - сказал Жорик.

- Жениться, опять-таки не обязательно, - добавил Саша Парашютист.

Мой город некому побеждать. Он уже вряд ли сам в состоянии кого-то победить. Он длинный, может один из самых длинных городов, но в нем некуда идти. А пойдя куда-то – ты вернешься на прежнее место, как ни странно. И будет казаться тебе, что ты не прошел нисколько.

Это тоже особый город, как Санкт-Петербург, как Москва. В нем всеми личными чувствами здесь правит скорбь и грусть, ибо такова история моего города. А она очень трагична.

В этом городе некуда идти. Некуда практически спешить. Многим нечего делать здесь.

Федор рассказывал:

– Идем с Лехой С. ночью, пьяные. Раз – ментовской патруль. Ваши документы, все дела... как обычно.

– Ваши документы! – обращаются к Лехе.

Пьяный и шизофренически веселый на тот момент Леха, выхватывает из кармана паспорт, и с криками – «Вот вам мои документы! Вот! Вот!» – разрывает в клочья свой паспорт и швыряет куски его на тротуар.

– Может ты и талантливый человек, но государство не знает, куда тебя деть, – сказал мне как-то отец.

Строили мы забор. Стали размечать рулеткой расстояние. Взял на себя эту функцию в какой-то раз Валентиныч. Присел на корточки, примерился, и выдает: «Держите там! У вас сколько? У меня ноль!», – сидит и держит за основание ручки рулетки.

Виталий читал националистическую газетенку. Его лицо морщилось, он переживал видно, какие-то эмоции и не замечал того что мы за ним наблюдаем. Наконец он дочитал, закрыл рывком газету – и, ударив кулаком по столу, договорил, очевидно, конец какой-то фразы, которая патриархом вилась в его мозгу: «...ЧТОБЫ ЩИ ХЛЕБАЛ! ХЛЕБАЛОМ!»

...И безвольная сутулая фигура черной тучей повисла над картой боевых действий...

А как вы хотели?..

Я сказал Лехе Кострову:

– Будем у тебя устраивать оргии?

– Да, – ответил Леха. – Только аккуратнее. А то у меня сервант...

Если завтра война, то меня не возьмут, потому что я буду задействован на детских утренниках в роли черепахи, – сказал про меня Антоха.

На стройке. Старый строитель и начальник участка разговаривают:

– Зарплату дашь?

– Не дам!

– Кирпичи, пошли со мной!

– У тебя как мама записана в телефоне?

- Ну, так и записана - мама.

- А у меня записана - Слава Гордей.

Были летом на даче у Толика.

Вторая половина июля. Пошли на Волгу.

Приходим, - вода уже вся зацвела, как в болоте.

- Ну вот, - говорю, - на той неделе приходили, еще чисто все было, а теперь - вот...

Толик стоит рядом, прикуривает.

Молчим. Думаем.

- Да, ладно, пошли, - говорит Толик.

- Куда?

- Назад, на дачу.

- А купаться? Вон сколько же шли сюда!

- Да ладно, в следующем году искупаешься, - невозмутимо говорит Анатолий, затягиваясь дымом.

- Ты один, но тебя сразу много. Ты - это как десять человек одновременно, Ленк, - говорил мне кто-то.

Дедушка с отцом как-то пошли пить пиво. На дворе – начало восьмидесятых. Пиво тогда продавалось в зеленых крашенных железных будках на улицах. Будки эти – отдаленное подобие нынешних ларьков. Они подошли, спросили, – но оттуда, из будки, не ответили. Дедушка спросил еще раз. То же самое. Опять. Ноль ответа. Тогда он взял, ухватился снизу за железку, и перевернул ее вместе с торгашами внутри. И ничего ему за это не было. Он ветеран. Раньше ветеранов уважали...

– «Доблестные кретины и легендарные негодяи» – называл курсантов мой друг Анатолич.

Николай Николаевич был похож на братка из 90-х с растопыренной козой: небольшого роста, круглый весь, лицо реально бандитское, преподает физкультуру.

– Ничего, и не такие вещи в органические удобрения превращали! – говорил он часто.

Зашел у нас разговор про педофилию. Ну, на тему того, что сейчас раздули эту кампанию, которая стала похожа на поимку ведьм в средние века. Всех обвиняют и всех записывают в педофилы, особенно нас, преподавателей.

Черняев: И как узнать педофил человек или нет?

Файзуллин: Смотря, что он делает.

Черняев: А если он ничего не делает?

Файзуллин: Все равно педофилом объявят и исключат из учебного заведения. Вот ты, – может педофил!

Далис Валерий Сергеевич вступает в разговор: А с чего ты взял-то?

Файзуллин: А лицо у тебя какое-то такое... педофильское...

«Офицерская честь» – павший афоризм, а фраза – «человеческое достоинство» – вызывает дикий хохот, так смеются пьяные проститутки, когда с ними вдруг говорят о любви, – писал А. Покровский.

Усатов очень увлеченно по несколько раз рассказывал о том, как у них обстояли дела на Украине. В детско-юношеский лагерь приглашали периодически милиционера-участкового, который курировал их территорию. Он приходил, осматривал, давал добро на дальнейшую деятельность и уходил. Но просто так он этими делами не занимался, – отказывался, и не всегда был в духе. Поэтому зампредседателя предложил председателю лагеря пригласить участкового и попросту напоить его. Зам разузнал где-то, что если милиционера напоить, то он «даст добро» и все подпишет. Эта процедура повторялась дважды в год или в полгода.

– И вот они сидят за столиками пьют. Председатель, зам и милиционер. На первый раз все прокатило, милиционер прилично выпил и отчалил восвояси.

На другой раз все вышло иначе. Милиционер сидел за теми же знакомыми столиками вместе с председателем, замом и пил. Его угощали. Потом его угостили еще. Потом переместились в детскую беседку, затем в летний домик. В конце вечера, – рассказывает Усатов, – иду, – смотрю, возле пивного ларька в пыли лежит фуражка милицейская, и неподалеку от ларька, возле забора лежит тот самый милиционер. Зам и председатель его так напоили, что после этого случая милиционер больше не приезжал с проверками. Говорят, – на время забыли о проверках, а после – уже присылали другого проверяющего. Тот, вроде не пил.

Усатов с гордостью рассказывал про одного товарища: «Он был чемпионом СССР по боксу армии среди стран Варшавского Договора»

Ходят выпить только мерзкие мужички, которые боятся своих жен, я же, если пью, то предпочитаю, как правило, нахуяриваться.

Да у меня и жены нет...

- Как Костику выдали права на машину? Он же больной совершенно!

- Ну тебе же диплом о присуждении степени как-то выдали!

Одной немке я сказал:

- На девятое мая мы разорим сорок немецких могил.

Почти начало стихотворения какого-нибудь...

Да и вообще, - пусть пиздуют к себе, обратно в Немецию.

Андрей про меня сказал кому-то, естественно чтобы приколоться:

- Вон, Леня диссертацию защитил! Но, тем не менее, ему это не мешает в лифте кнопки говном мазать!

К одной моей фотографии знакомая оставила комментарий:

- Но! Но! Но! Не забываетесь, конгломерат маргиналов! Вас засудят за ваши сходки!

На этом фото мы проводим какой-то квартирник...

Разговор с одной американкой.

Она - в прилично подпитом состоянии.

Спрашиваю:

- Do you have a boyfriend?

Отвечает:

- Oh, no! usually he has me.

Потом мне сказали, что у них это такой прикол повсеместный.

Ваня Безрук написал для меня, и про меня два коротких стихотворения. Вот они:

Среди потоков черной

грязи

Выронил поэт свое

сердце -

Не донес его до народа.

Отличное стихо, на мой взгляд!

И еще одно. Тоже про меня:

Среди постельных сцен

И наготы столичного прилавка

Он на поруках бедноты

Вел диалоги с бесноватым рабством

В моменты острой социальной тошноты

Он выбегал нагой, и танцевал в парадной.

- Лежите тихо, - говорит Виталик двум чувакам, - смотрите в небо.

А потом они скажут своим бабам, что бились за правое дело. Не верьте им.

Еще говорят, что работать тяжело первые пять лет. Потом привыкаешь.
Чудовищная же ломка личности, а!?

- У вас нет газеты случайно, чтоб завернуть?

- Что?

- Ну газеты, чтоб завернуть. Желательно «Наш город» или «Вечерний Тбилиси».

- «Наш город», - вряд ли, - говорю, - а вот «Вечерний Тбилиси» - я поищу...

Все ответы мы как раз найдем, в «Вечернем Тбилиси»...

Безысходность - она как дом напротив.

...И в ней не было совсем ничего красивого, скорее; но она так часто ходила по лестнице вниз курить, что он заметил всю ее отсутствовавшую красоту, которая, несомненно, была. Была же!

Есть в ней нечто, что глядя на нее, у него не приходило в голову никаких таких мыслей. Совсем.

Сила притяжения ее совершенно чиста.

Наверное, я навсегда запомню эту татуировку на твоем почти подростковом локте.

Она:

- Нас в институте всегда пугали третьим курсом.

Я:

- Лучше бы вас пугали Третьим Рейхом.

Иринка писала о себе:

- Я не долбоеб! Я просто панкую!

ЛЕТОМ 2011-го...

В перерывах днем я медитировал, – лежал с закрытыми глазами на лавке в раздевалке. Лавка собой представляла две толстых грубых доски, в промежуток между ними помещалась свободно рука. Лежать было неудобно. Лежал я, подложив обычно под голову панаму, грязную и пыльную. Помнится, я в ней еще ездил на раскопки когда-то. Под панамой находилась моя сумка; в ней помещалась как раз вся моя одежда: сменная и гражданская. Еще оставалось достаточно места, чтобы положить еды и несколько бутылок с питьевой водой.

Времени у нас было свободного, обеденного – с двенадцати до часу. Иногда до пятнадцати минут второго можно было «долежать», зависнув в раздевалке, внутри которой жутко воняло, было много саранчи (в тот год она свирепствовала), воняло опять же носками и обувью, с характерным запахом цемента и песка, перемешанного с потоотделением присутствующих. Сейчас я с большой теплотой готов вспоминать тот тяжелый запах и тех людей, с которыми пришлось вместе делить тот период жизни; небольшой, но по-своему интересный, полный на всякие события.

В пятнадцать минут второго появлялся взбудораженный мастер Леха. Молодой, на пару-тройку лет, может, старше меня, – окончил так называемый «Горхоз». И если я не успевал вскочить, то он выкрикивал всего одно слово: «Время!» – и я уже схватив рукавицы, выбегал в коридор к выходу, и держал путь на объект.

Также выходили и остальные засидевшиеся в раздевалке.

Мастер подгонял.

Леху рабочие-строители не любили за его глупую выебистость и напускную любовь к командованию.

«Он даже в армии не служил», – говорили мужики, – «а все туда же...»

Для них, для работяг, это было важно: такие вещи в их довольно узкоммировоззрении занимают обычно главные места.

Что касается меня, то мне было все равно, так как знал, что здесь я ненадолго – подзаработаю и уйду; хотя, с другой стороны, – я уверен, здесь так все рассуждали, поскольку работали на объекте по вахтовому набору. Лишь одна бригада женщин-отделочниц работала от какой-то фирмы, – их просто кинули на этот объект, как они потом мне сказали, когда я помогал им двигать арматуры скреплений, носил раствор, чтобы они могли упаковать «шубой» известки стены и потолок.

Хорошие женщины – Елена и Наталья. Обоим за сорок лет, примерно. Мы подружились. Они рассказывали мне про своих дочерей, про то, как тяжело их учить в колледже, и как им приходится почти все заработанное здесь, тратить на них.

Елена, когда искала Наталью, говорила: «Где эта Манда Ивановна?»

Меня это, конечно, смешило. Они дружили, на самом деле, но грубость многолетнего строительного коллектива, видимо, играла свою роль. А потом, стоит учитывать тот факт, что многие работают на стройке не от самой хорошей жизни, и в прошлом у них бог знает чего наворочено у этих людей, поэтому не надо их судить, и уж тем более воспитывать, они по более твоего видели, скорее всего. Лучше посмейтесь вместе с ними, улыбнитесь им, угостите их сигаретой.

Помнится, я купил Елене и Наталье тонких сигарет, когда ходил за водой, и почти торжественно вручил их. Такого знака внимания, признались отделочницы, они не помнили давно в своей жизни.

«И че ты тут забыл, Леонид!» – говорили они мне. – «Странно все получается...»

Пришел я в конце июня. Если не ошибаюсь, устроился я двадцать седьмого числа. (Трудовой книжки сейчас нет под рукой, чтоб уточнить). Но, не важно.

Пришел работать, ибо моим планам на жизнь не суждено было сбыться в тот момент. А задумано было много.

Они окончательно рухнули в середине июня, а именно четырнадцатого числа, когда моя девушка, сидя на железном парапете, на набережной у самой почти воды, сказала мне, что уходит, что она не знает, чего ей хотелось бы дальше, и все в таком духе.

Все было конечно, мне понятно. Такие разговоры «задушевные» мы проходили.

Но этот разговор был особенным...

Легко и непринужденно она все это сказала, болтая ногами. Платье ее розовое развивалось, оголяя ноги чуть выше положенного. Я стоял рядом, все это слушал, обнимая ее, обнимая болтающиеся ноги, и пытался сохранять спокойствие и душевное равновесие, сказал, как сейчас помню одну важную вещь: «Я за тебя еще поборюсь, все равно». Звучало все это конечно, безнадежно, но вполне трагично и достойно, как мне теперь кажется. Да и тогда

казалось также. Она в ответ на это гордо улыбалась, почти смеялась; улыбалась тому, что я полностью в ее власти, – и вот он я – стою и обнимаю ее колени, а она беззаботно и даже величаво сидит на железном ограждении.

После той финальной нашей встречи я не видел ее уже чуть более двух лет. Доводилось лишь пару раз видеть в кино, в эпизодических сценах, – добрые люди донесли мне эту информацию, что она все-таки снялась, и я не удержался и как-то посмотрел. Чего мне вполне достаточно.

Не без добрых людей мир. Ой, не без добрых.

Встретил меня в мастерской прораб Палыч. Как звали его полностью – не помню, да и не нужно оно нам в данном повествовании это помнить. То ли Владимир Палыч все же, то ли Виктор Палыч. Да, вроде, Владимир.

Палыч был (и, надеюсь, есть) веселый пожилой мужик, очень даже крепкий, с кучей советских предрассудков, заматерелый и в меру глупый. Глупый, чисто в «социалистическом» плане, что мне позже сыграло на руку.

Вообще, глупость людская, я считаю, отличная черта, – с такими людьми просто, если конечно, не собираешься с ними иметь каких-либо более серьезных дел, помимо обычной совместной работы. А если человек по-советски глуп, то есть имеет множество пережитков прошлого в своей голове, то это замечательно, – я сразу же найду к такому человеку подход, и подыграю ему, где мне надо.

На лице у Палыча значилось чувство тотального недоверия к окружающим, соединяющееся с чувством такой легкой наживы, пусть самой бросовой и пустяковой. С такими лицам ходят многие мои соотечественники. Почему – я не знаю. Я много раз пытался рассуждать на эту тему сам с собой, но все время вяз в собственных противоречивых теориях. Да что там говорить, – с такими лицами ходят многие мои знакомые и приятели. Особенно так стали ходить, когда зачем-то женились...

Может дело в том, что нас капитально обманули американцы, или мы сами себя обманули? Позволили это сделать. Еще тогда, в 1991 году где-то, когда наши ценности, пусть и неказистые, во многом наивные, заменили ценностями сладкими и цветными, но на деле совершенно чуждыми и пустыми?

Проблема не вся в том, что «либерасты» и «демократы» сдали «Совок», как сейчас с пренебрежением называют мою страну, в которой я родился, проблема в том, что почти никто не захотел вернуть то утраченное прошлое, которое с удовольствием было обменено на джинсы и на жвачку; они хотели жить «как на Западе», всюду об этом говорили, и не знали, бедолаги, что нет там, на Западе «той самой счастливой и беззаботной жизни», и всего остального, не знали, что все это кривая вывеска, которой нас купили и съели, взяв без оружия. Потом, уже, оправившись и «протрезвев» наши соотечественники увидели, что пришли не к тому, чего ожидали, и сразу у всех поменялся взгляд. На лицах застыло недоверие и желание нажать. Тоже, хоть напоследок. «Хоть и нам-то, дайте, а! Ну, хоть, чего-нибудь!», – читается на физиономиях.

Сознание после таких размышлений рождает совершенно сюрреалистические картины. Как то, что я написал о страшной вывеске американцев, которая нас поглотила, съела. Возможно ли такое? Вполне возможно, если представить себе творения какого-нибудь Рене Магритта.

Но кто ж обо всем этом знал тогда? Светлые головы есть в каждое время, были и тогда, но кто же их слушал...

Молодежь ходила на первые рейвы, и ночные дискотеки, и ближе к середине 90-х годов у них, у нового поколения появились дети. Сейчас с этими детьми я имею сомнительную честь общаться.

«Что Вы делали, родители мои?» – спрашиваю иногда я. – «Что делали лично Вы, когда страна по швам трещала?»

Отмалчиваются, или говорят:

– Что, что?! Вас рожали. Воспитывали... Да и не думали мы...

– А почему вы не думали?

– Не знаем.

А ведь и вправду – не знают. Я за них не могу знать тем более...

Интересно – а знал бы я, что ответить, если бы меня мои дети спросили что-то подобное?!

Палыч отвел меня на объект, вкратце объяснил, что к чему. Я сказал, что ранее мне доводилось трудиться на стройке, – строил гостиницу на станции Пионерской.

(Пристройка там такая в семь этажей имеется сбоку).

Я почему-то подумал, что в прошлом своем он (Палыч) был обязательно прапорщиком в армии, или же занимал какой-то другой подобный пост. Еще я подумал, что он пьет, когда не на вахте (вахта на стройке равняется 15-ти дням). Пьет и лечится потом, скорее всего.

Как потом окажется, я был, пожалуй, прав, потому что Палыч внезапно часто психовал, орал, и на чьи-либо слова из строителей: «Это нам положено!», всегда нервно отвечал, крича:

– «На хую наложено!»

Но мне с ним было легко. С Лехой они работали посменно. Пятнадцать дней – один, пятнадцать дней – другой.

С Палычем мне было даже весело. Он меня забавлял. Помню, как он меня спросил как-то, почему я с бородой хожу, на что я ответил, не задумываясь, что я – старообрядец. Спорол хуйню. Он поверил. А может, и не знал вовсе, что значит то, что я ответил. Потом, правда, через какое-то время, когда надо было что-то быстро подсчитать, и я не смог, он мне сказал:

– «Э-эх, а еще с бородой!»

Да тот же декан наш, когда мы учились, сказал Ване Безруку: «Ты бороду отрастил, а ума не нажил!». Очень не нравятся бороды наши молодецкие...

Молодой и с бородой – значит подозрительный. Если старый, – то нормально.

Худой – тоже значит подозрительный. Солидные люди имеют живот, а у кого есть живот – с тем можно иметь дело. Значит, он хорошо питается, состоятельный. А худой если, то и ест, наверное, плохо, и вообще хрен знает, что у него там в голове.

Почти сразу я подружился с Игорем – сухим и жилистым парнем. Разговорившись, мы нашли кое-что общее.

Кличка была у Игоря – Шахматист – он отлично играл в шашки и шахматы. Рассказывал очень смешно, как он обыгрывал маститых игроков в свое время. Брат его старший тоже отлично играет. Вместе они выигрывали на пару большие куши, играя на деньги, а подростками ездили на всевозможные олимпиады и брали первые места в области.

Убедился я в его профессиональной игре и в перерыве как-то, когда он одного за другим легко обыгрывал в шашки.

– Весь секрет в том, – говорил мне Игорь, – что противник делает первые свои два-три хода, и я уже знаю исход партии. Здесь чистая логика плюс математика. Больше ничего. Это весь секрет. Это все: именно логика и математика, – повторил он.

Я с детства увлекаюсь шахматами. В шашки очень плохо играю. С логикой и математикой у меня просто беда. Даже играя в шахматы, всегда руководствуюсь в основном тактическими маневрами, которые знаю, но никак не логикой и вычислениями. Не стать мне вторым Ботвинником.

С Игорем дружил Влад, огромный мужик. Владу было тридцать восемь лет, как и Игорю, примерно. Вместе они смотрелись, конечно, весело: Игорь, – невысокий, очень худощавый: жилы обтянутые кожей, и Влад – не человек, а какая-то гора с бритой башней. В прошлом его величали – «Медведь», признался Влад. Раньше он занимался боксом. Тоже был судим, как и Игорь, вроде.

Работали они бетонщиками-арматурщиками. Я, поскольку был разнорабочим, работал и с ними, так как меня постоянно бросали на разные задания к разным

людям на объекте. Я и выполнял, трудился...

Все вместе мы были от одной конторы, через которую устраивались. Только я – на время, а они на всю вахту, на лето и осень, и, возможно, далее. Однако же Игорю и Владу не удалось доработать и до начала августа. Их уволили.

Дело было так: в обед, в раздевалке мужики пили, по-тихому, без палева, и тому подобного. Разливали в кружки, выпивали, пустую бутылку ставили под скамейку, или кидали в свои сумки. Пить, естественно, было запрещено. Мастера и прораб знали, что они пьют, но спалить никак не могли. Заходили в раздевалку, находили пустые водочные бутылки, ругались, выставляли их на стол. Спрашивали: кто пил. Но кто ж сознается?!

Так, в один день, в обед, Игорь и Влад прилично выпили, и, выйдя на объект, уснули за кладкой кирпичей, на картонках, там, где мы отделявали будущее подвальное помещение. Зашел Леха, мастер, увидел их спящих, пьяных, и сообщил им, что они уволены, и могут катиться на все четыре стороны. Влад с Игорем попытались извиниться, и как-то замять это дело, дескать, давай, договоримся, Леха; но Леха уже побежал все растрезвонивать прорабу, начальнику участка, и директору объекта, – не поленился тоже, – сгонял и сообщил.

К концу дня Игорь с Владом сидели злые в раздевалке, – материли Леху. Остальные мужики их поддержали, поскольку они-то тоже пили, и попасться мог любой из них.

– Вот сука! Вот пидорас, блять! Гондон! – кричал Влад. – Я же один раз его ебну и он не встанет. При этом он сидел напротив меня, потный, огромный, голый по пояс, и крутил своими пудовыми кулаками.

В том, что он действительно с одного удара убьет Леху, я ни капли не сомневался. Никто, пожалуй, не сомневался.

Игорь же, сидел, свесив голову, отходил от выпитого, и думал о том, что теперь ему будет, видимо, нечем платить за учебу дочери. Она учится у него в «ВолГУ» на третьем курсе. Он мне рассказывал, что с женой и с дочерью давно не живет, но исправно платит за ее обучение, а жене дает денег на жизнь. Сам же живет с женщиной в Красноармейском районе, и каждое утро встает в пять утра, чтобы в

шесть сесть в электричку, и к восьми быть на стройке.

- Давай его отпиздим! - не унимался Влад.

- А-а, да ну его... - махал рукой Игорян, тянулся сухой рукой за сигаретами, поправлял свою растянутую серую майку, и вздыхал.

Леха же в это время, наверняка, стоял под дверью раздевалки и все слушал, потому что вошел он только после той тирады, что произнес в его адрес Владислав.

Леха, как ни в чем не бывало, позвал электрика, Иваныча, чтобы тот вышел на участок; и как бы невзначай обратился к двум «собутыльникам»:

- Зайдите в мастерскую, за документами. Там сейчас подписывают вам... - и, не дождавшись ответа, Леха пулей выскочил из раздевалки.

- Гондоооон! - крикнул ему в след Влад.

Алексей, очевидно, сделал вид, что не услышал.

Вся раздевалка была на стороне «невинно пострадавших», и поэтому, все присутствующие заржали: и монтажники, и бетонщики, и электрик, и я.

Я тоже был на стороне Влада и Игоря, так как было понятно, конечно, что мастер поступил по правилам, однако, при этом, поступил, естественно, не по-людски. Это видели все. И, потом, Леха, как я заметил, был подловатый парень по жизни, эта его подловатость так и сквозила из него. Даже в мелочах. Взять хотя бы то, что, сядешь, допустим, перекурить только, минералочки там выпить, - он тут как тут влетает в дверной проем, словно поджидал, в своем синем комбинезоне, и кричит: «Че сидим-то, а!?» - «Да только присели», - объясняете. А он: «Давай, давай, поехали, поехали, понесли!». И вскакиваешь, несешь дальше, то, что нес. Носилки с цементом, например, мусор строительный. Мусора было - не передать сколько. В основном это битые кирпичи, известка, куски арматуры, бумажные мешки из-под цемента. И в каждой носилках, если приглядеться, видны пустые пачки из-под сигарет. Курят все страшно на стройке.

Сколько мы таких носилок перетаскали, наверное, мне не сосчитать зараз.

Палыч так не поступал, как Леха. Он появлялся, матерился, что называется, «для порядку», как истинный советский прораб, и уходил. Рабочие его все же уважали, – делаю вывод.

Влада и Игоря уволили, поскольку дело дошло до высшего начальства, благодаря Лехе. Бить его Влад все же не стал. Может, Игорь отговорил, не знаю. Может, побил как-нибудь его потом, при встрече.

– Не будет работы, будет голяк, если полный, Лёньк, – звони, – на прощание сказал Игорь, улыбаясь черным от загара лицом, и черными своими зубами, – возьму тебя на какой-нибудь объект, помогу, – вон, например, заправки строить. Их по стране сейчас много лепят, дело прибыльное, платят нормально. Возможно в Самарской области... А может снова в Сибирь, на Енисей... На бетонщика ты почти что выучился...

Мы пожали друг другу руки, обменялись номерами телефонов. Номер только я твой потом похерил, Игорь, в старом телефоне, который у меня накрылся. Я помню, ты еще хотел найти какую-то свою подругу, Риту, кажется, с которой познакомился во время очередной вахты, и потом потерял ее, уехав. Я тебе советовал сделать это с помощью интернета, разыскать ее. Интересно, нашел ты ее или нет. Может, нашел, и вы теперь наконец-то вдвоем счастливы?

Влад мне на прощание сурово сказал: «Будут проблемы, Лёнька, на Жилгородке, в Городище, там, еще где-нибудь, – ищи меня, – все решим». Номер телефона твой, Влад, тоже канул в небытие, вместе со старой записной книжкой в моем мобильном.

Планам моим не суждено было сбыться, как написал я выше. А планы были грандиозные. Но, как говорится, хочешь насмешить Бога, поведай ему о своих намерениях.

Ну, например, на тот момент, еще даже в самом начале лета планы были еще не мои, а тогда еще – наши: мои и моей девушки. Мы хотели уехать, предположительно, в столицу, вдвоем. Она бы занималась своей карьерой, а я бы занимался своей. Нашли бы работу, и жили долго, весело и счастливо. Она должна была поехать раньше, я же – несколько позже, ориентировочно, после защиты диссертации, то есть, в самом конце сентября месяца. Насколько это реально, и что я тогда вообще себе думал, – я сейчас понятия не имею. Но я был влюблен, целиком и без остатка, поэтому прощаю себе свою недалекость и глупость. Было же хорошо в тот период жизни – и это главное.

Мне было двадцать четыре года.

Уже в начале лета, я понял, что все начинает идти не так, как было задумано.

Сначала она перестала звонить. Внезапно. Совсем. Я не стал надоедать, дабы не усугубить положение. Когда я все же дозванивался, то она разговаривала со мной, как правило – нехотя, беспричинно капризничая.

Спустя две недели, четырнадцатого числа, потянув необходимое, видимо, ей время, она соизволила встретиться со мной. Все мне сказала, что хорошего, как говорится, товарищ, всем понемножку, и не одному тебе такой красотой наслаждаться. Сказала, что уезжает она одна, без меня, в августе. Что ее влечение ко мне прошло, страсть тоже, и все такое прочее – тем более.

Сказать, что я расстроился, значит, ничего не сказать совсем. Я грустно бегал глазами по ее лицу, по ее фигуре, телу, которое принадлежало все это недолгое время только мне одному, я понимал, что это, скорее всего, последние часы, если не минуты, когда я могу еще вот так, относительно свободно обнимать это создание, трогать, где захочу, и даже пытаться его поцеловать.

Мы поднялись по центральной лестнице набережной вверх, а дальше – я не помню. Ей-богу, не помню, как я ушел, как ушла она, и что напоследок мы все же друг другу сказали. Я был абсолютно трезв. По-моему, мы даже не дошли до остановки, когда она тихо сказала:

– «Дальше не стоит. Я сама пойду. Зачем...»

И на этом все.

Естественно, даже после этого, я не сразу осознал, что она – именно ушла. Я тешил себя мерцающей надеждой, что вот она скоро вернется, передумает, перебесится, что нужно только мне немножко подождать, сжать волю в кулак, и подождать.

Подумаешь, – это у нее характер просто такой, – успокаивал я себя. Я же люблю ее, и поэтому ничего страшного не произошло, я должен, я обязан это нормально принять, и мириться с таким поведением. Она же – актриса, ну и пусть покапризничает, пусть, имеет, в конце концов, полное право, чтобы я тоже не расслаблялся, – в таком виде бродили мысли в моей несчастной голове.

Конечно, эти мысли и эти надежды мои были химеричны.

Денег у меня не было. Они кончились. Я все тратил на нее, без остатка. Всегда. Денег у меня не было совсем. Когда я сказал маме, что у меня порвались кроссовки, и неплохо было бы мне приобрести новые, она ехидно и весело ответила мне, что если учесть то, сколько я потратил на «эту свою фифу», то можно было уже давно купить себе хоть сто кроссовок, можно было купить себе фабрику по пошиву кроссовок.

Еще впереди маячила защита диссертации, от которой зависело дальше многое, хотя бы и то, пойду я в армию или нет; получу я степень или нет. Если получу, то автоматически стану лейтенантом запаса, кстати, в случае чего; и если устраюсь на работу в сферу образования, то буду получать чуть больше, везде, благодаря ученой степени. Но главное это то, что армия от меня отъебется.

Родители мне сказали, что всю защиту мне оплатить не смогут, а дадут мне лишь часть денег. Это означало, что я должен был пойти и заработать сам, и идти надо было на такую работу, где можно было заработать побольше. А значит, снова меня ждала стройка.

(Военный билет я недавно получил, и хуй бы там! Выдали как рядовому запаса. Но хоть выдали. Уже заебись.)

Узнав, что я окончил аспирантуру, «соратники» мои по строительству глядели на меня круглыми глазами:

– Ты че! А тут ты че забыл?! Нахера тебе тут корячиться? Ладно мы, – всю жизнь так хуярим. Но ты-то!

Я с улыбкой объяснял, что деваться мне некуда, надо еще защититься, а уж потом пойду в другое место. А сейчас деньги нужны: и на защиту, и так – на жизнь. На кроссовки те же...

Работали с нами студенты. В универе возобновили политику стройотрядов еще в 2007-м году, и вот, им предоставлялась возможность и поработать и подзаработать. Халтурили они, конечно, страшно, но я думаю это и должно было подразумеваться, так как приходили пацаны к девяти утра только в лучшем случае, а в четыре они уже сбегали. Трудовой кодекс предписывает учащимся сильно не напрягать. Работают, и хорошо. Уже какую-то пользу приносят. На какое-то время я попал в бригаду студентов. Сам, как бывший студент, я выделялся из них не сильно, и поэтому чувствовал себя как рыба в воде.

Мы занимались адским и почти сизифовым трудом: засыпали вручную яму за объектом, которая вплотную примыкала к зданию. С другой стороны стоял кирпичный забор. Экскаватор туда подъехать не мог.

Огромную кучу земли мы осилили за три недели, яма была засыпана с помощью двух носилок, лопаты, и шести человек. Обычно мы делали так: один насыпает – двое несут носилки, высыпает, возвращаются, садятся. Следующие носилки несут двое других. И так – по-очереди, с небольшими перекурами.

Насчет курения. Не курить на стройке, мне кажется, почти нельзя. Много раз пробовал не курить во время работы. Максимум меня хватало на день. На следующий день у меня уже была пачка. С куревом как-то чисто психологически, что ли легче.

Пока носили носилки и засыпали котлован, я рассказывал пацанам что-нибудь из мировой истории. Они слушали. Их же разговоры были чисто студенческими еще: про сдачу сессии, про то, что неплохо бы выпить пива, про телок каких-то, видимо, однокурсниц. Кто, какую из них хотел бы выебать. В общем,

нормальные, по сути, разговоры.

Когда приходилось трудиться одному, монотонно, скажем, таская кирпичи, или плитку, я рассказывал сам себе все мне известные стихотворения, оттачивал свою манеру чтения, придумывал в уме новые. Точнее создавал в уме наброски новых.

Это стихотворение я как раз сочинил, когда таскал с улицы плитку вниз, в подвал. Оно есть в «красном» сборнике движения «Lost Poetry Front».

Только кузнечики весь день

на жаре со мной краснокрылые

Русская женщина Наташа

и июль

здесь же рядом имя Юлии

и ласковое сочетание букв

моего месяца

Мягкое сочетание

этих букв

Написал я накануне своего дня рождения.

Стихами своими я был окрылен, и все мне казалось нипочем. А потом мне было все же за что порадоваться, – в самом конце июня я выпустил-таки свой первый сборник стихов. Очень небольшим тиражом. Но это был мой собственный сборник. Первый. Я его весь раздарил знакомым, друзьям.

.....

«Но ничего, ничего, – говорил я себе, – защитишь диссертацию, – и все образумится».

Диссертацию я давно защитил успешно. Диплом получил я в начале марта 2013-го года. Не скажу, что все образумилось и кардинально изменилось. Да, появилась официальная работа, которая приносит очень недурные деньги, жаловаться, в общем, мне грешно будет. Должна выйти моя книга. Вышел за это время ряд наших сборников. В стихах я достиг, безусловно, определенной высоты, с которой стали считаться многие. Теперь меня периодически приглашают на всякие «пати» (не люблю это слово), на которые я нехотя, чаще всего, прихожу, отчитываю длинный сэт стихов, или два, получаю за это лавэ от очередного модного любителя новых всяких веяний и течений.

Присутствующие телки на таких мероприятиях смотрят на меня чаще всего недоумевающим взглядом: «Типа, стихи чувак читает, гы, прикольно...»

Я же делаю то, что мне нравится. Читаю стихи, например. У меня это хорошо получается. Очень.

– Давайте жить по капитализму, а хули, – я согласен! Я вам стихи, а вы мне – деньги. Я вам, своего рода развлекуху даю, а вы – мне своих сисястых телок в купальниках. Я согласен.

Во второй половине июля, начальник участка, казах Азамат, поставил меня на погрузку опалубок. Это такая временная форма для бетона и подобных материалов. Штука тяжелая. Работал я в паре с Артуром – веселым армянином, таким типичным – очень загорелым, с носом, с черными глазами.

Мы цепляли скобой опалубку, накидывали стропы, и закидывали ее в прицеп. Точнее закидывал ее туда кран. Крановой. По строительному этикету, кстати, не говорят слово – «крановщик», надо говорить – «крановой». Почему так – я понятия не имею. Ни у кого не спрашивал.

Артур, узнав, что я по образованию историк, стал меня доставать, очевидно, своей излюбленной и больной темой: противостоянием армян и азербайджанцев. Как показывает жизнь – это тема самая излюбленная у всех армян. А когда я ему сказал, что моя тетя, сестра отца, замужем за армянином, дядей Андреем, он просто засиял от счастья. Спрашивал, ходили ли мы с ним на рыбалку, куда ездили, и все в таком роде. Я честно ответил, что да, в детстве мы виделись и дружили.

Догрузив опалубки, мы сели перекурить с Артуром. Прибежал Палыч.

– Садитесь в машину, – езжайте за листами!

– Какими листами? – возмутился я. – Куда ехать?

– Садитесь, сейчас все скажут!

Машина стояла рядом с краном, и уже тархтела. Мы, схватив бутылку с водой, прыгнули в кабину ГАЗели.

Поехали в Советский район, по Электроресовской улице на какую-то «промку». Долго там колесили, в конце концов, нашли по накладным нужный адрес и цех. Нам отсчитали положенные наши не то шестьдесят, не то восемьдесят листов железа. Грузили мы их в кузов ГАЗели с Артуром около часа. Тонкий металл резал руки даже через грубую ткань рукавиц.

Когда вернулись назад – на объект, также долго вдвоем выгружали, подложив ряд кирпичей и досок.

Июль, солнце высоко стоит до самого захода. Пыльно. Всюду прыгает саранча. Пахнет сваркой. На самой верхотуре – маленький, но толстый монтажник Володя, похожий на известного персонажа Астрид Линдгрен, что-то кричит вниз.

Приближается вечер пятницы.

Пятнадцатого июля меня отпустил начальник участка пораньше. У нас сложились с ними доверительные отношения. В тот день я только и делал, что носил плитку с улицы вниз, в подвал. Брал упаковку, на нее ставил вторую и нес. Если не сильно уставал, хватал и третью. И так весь день. Однообразно, хорошо, мысли в голове приходят в нужный монотонный ритм. Можно думать о стихотворениях, о женщинах, об основах мироздания. Да, хороший, правильный задается ритм. Тренируются руки. Ноги тоже все время в движении – никаких ступенек вниз еще нет, поэтому по земляной насыпи аккуратно ступаешь, ставишь ногу в выдолбленные самодельные ступени. Ногам внутри рабочих ботинок жарко. Однако это лучше чем разгуливать по стройке в кедах или кроссовках – обязательно попадет песок, земля, быстро испачкаются, наступишь на гвоздь, торчащий из деревянной опалубки. В детстве я уже наступал на гвоздь голый ступней. Когда наступаешь на торчащий гвоздь в ботинках, подошва все же защищает. Носы у ботинок со стальным стаканом. Отличная обувь.

Первые дни я ходил в кроссовках, но довольно быстро сменил их на «ЧТЗ» – рабочие ботинки, их мне подогнал отец. «ЧТЗ» – челябинский тракторный завод. Такие ботинки носят рабочие заводов по всей стране, отсюда и привязка к такому названию.

Плитку уже было некуда класть в подвале, а ее все привозили и привозили, сгружая на улице, у восточного входа объекта.

После обеда на помощь мне прибыл Андрей, студент, подрабатывающий в стройотряде. Шустрый, умный деревенский парень, живший где-то за Краснослободском. Их у матери шестеро детей, – рассказывал мне Андрей. Он самый старший. Надо работать и учиться.

– Давай скажем, что у тебя день рождения сегодня, – сориентировался помощник, – нас и отпустят пораньше в честь такого дела!

– Давай, – без особенного энтузиазма сказал я. Мне было все равно. Отмечать мне было не с кем. Никого видеть не хотелось. Настроение тоже было крайне аскетично направленным. Все мысли внутрь себя.

– Сколько тебе сегодня исполнилось?

- Двадцать пять.

- Круто-круто, - порадовался Андрей.

- Круто, когда пизда надута, - сказал я гадость. - Пошли на брусья сходим, отожмемся.

- Пошли.

Во дворе объекта стояли одни единственные брусья. Кривые. Трактор еще не успел их смять.

- Да, не тот, не тот ты уже, - подколот меня Андрей, видя, как я с трудом делаю четвертый подход.

- Ну, так, а что ты хотел, - скалился я, - мне ж сегодня двадцать пять стукнуло! Вот тебе сколько?

- Девятнадцать. Двадцать будет...

- Вот видишь, доживи как я, спортсмен.

Мы одновременно заржали.

Вернулись вниз, в подвал, там прохладно; сели на упаковки с плиткой, хлебнули из баклажек воды, и достали по сигарете.

...Самая жесть заключалась в том, когда приходилось заливать бетон. На лебедке висит такой огромный бак, раскачивается у вас над головой, и вы лопатами всю эту жижу гребете вниз, в приготовленные поддоны, ведра. Все это надо быстро залить в деревянные опалубки, добавив щебня и колотого кирпича, и прировнять шпателем. Делать надо все быстро. Высота - третий этаж, примерно. Ерунда, конечно. Но без страховки на открытом пространстве все это чревато.

Орудовали мы с Андреем и с Бирюком Пашей. Палыч нас подгонял. Но, надо отдать ему должное, когда видел, что мы не успеваем, – помогал сам. Там как раз он мне и сказал, при заливке бетона:

– «Э-эх, не можешь подсчитать, сколько кубов залили, а еще с бородой!»

На что я ответил, что это не мое дело считать, да и калькулятора под рукой нету. Могу сбегать.

– Не надо, – краснел Палыч, – я в уме могу подсчитать, в отличие от вас.

– Давно бы подсчитал тогда.

– Ну, уж ты! – не всерьез злился Палыч.

С верхушки объекта открывался отличный вид на некоторые части города, как я для себя отметил. Так, с другой стороны, – как бы с обратной, – я увидел Планетарий. А ведь интереснейшее здание. Честно, мне оно напоминает древнюю лабораторию гномов или двумеров из вселенной «Морровинд». Кто играл если, тот понимает, о чем я. Особенно зеленится в жару под лучами солнца облицовка купола. Основного и обсерватории.

Пока я заливал бетон, краем глаза смотрел на эти купола, и вспоминал его историю.

Открыт был планетарий в 1954 году. Здание венчает скульптура «Мир» работы Веры Мухиной, известного советского скульптора. Это ее последняя работа, – помню, потому что нам это часто вдалбливали на парах «Эстетики» и «Этики». Илья Пермяков любил об этом говорить, – вел у нас как раз курс эстетики, устраивал первые в городе видеологии – фестивали авторского кино. Я ходил несколько раз ради интереса. А кликуха, между нами, у Ильи была как-раз-таки – «Эстет».

Планетарий нам построили немцы, поэтому издалека он похож даже на рейхстаг, – как мы заметили. Ну, определенно, что-то немецкое есть в стиле, романское.

Какое ж государство мы проебали! Какой город. В мой город ехали толпы людей со всего мира, чтобы посмотреть на тот же планетарий, да вообще на все подряд. А я вот, имею честь, делать это все время. Нет, это хорошо, что у нас повышенное чувство патриотизма. Хорошо, что я именно в этом городе родился, правда. Это хотя бы не пошло, как скажем, было бы пошло родиться в каком-нибудь курортном городишке или же в столице.

Сталину и Гитлеру надо было объединиться и завоевать весь мир. Или же Сталину на обломках Берлина нужно было создать новую мировую столицу. Или где-нибудь на Гибралтаре, выкинув на хуй оттуда англичан.

Пот льет ручьем, сгребаю раствор в поддоны, а в голове моей уже глобальные проекты по возможному переустройству мира заняли места: планетарий, немцы, русские, скульпторы, развитие науки, империя от Гибралтара до Сахалина...

Смешной я человек, ей богу. Очень смешной.

Дни шли быстро. Иногда, я ловил моменты, и спокойно сидел в каком-нибудь укромном месте. Если сидеть было не на чем, то садился прямо на цементный пол, кидал рукавицы, и садился. Доставал сигарету. Смотрел в оконный зазор. Синее степное небо. У нас небо Великой Степи, не замечали?

Синий, голубой – наши исконные цвета, мы их и унаследовали интуитивно, вон, например, возьмите герб и флаг нашего «Ротора». Синий – цвет Волги, голубой цвет – цвет неба. Можно – наоборот. Улавливаете суть?

Приходил Игорь. Садился рядом. Вообще, на стройке если ты сидишь, то обязательно кто-то подойдет и сядет рядом. Тяга к некому коллективному, все равно, в чем это коллективное проявляется, – в нас заложена крепко.

– Ну че, не будешь искать Риту свою, – спрашивал я.

Игорь опускал голову, как будто бы стеснялся об этом говорить, лыбился в пол, и застенчиво отвечал:

– «Да не знаю я... Уже сколько времени прошло. Нужен я ей теперь? Она-то помнит?..»

– Попробовать никогда не поздно. По интернету попробуй. Наверняка, она у тебя сидит на всяких «одноклассниках», «фейсбуках»... Хочешь, я попробую тебе ее найти?

– Да не знаю, я, Лёнчик, не знаю, – уклончиво отвечал Игорян, – надо ли теперь это все кому...

– Ну смотри, – я тоже уже сидел как Игорь: скрестив руки, голову опустил в пол, рассматривал свои плевки, и растирал их пожелтевшим от песка и цемента носком ботинка.

КРЫШИ

На холоде пить коньяк с пятью звездочками вполне приятно. Но ноги начинали подмерзать, и надо было решать ситуацию с деньгами: их как всегда у нас практически не было. Только коньяк, пакет сока и лимон – набор «преуспевающего человека». Хотя сок можно отсюда вычеркнуть, оставив коньяк и лимон. Желтый пакет имелся, в котором были эти продукты. Они именно стояли в нем, а не лежали; стояли в пакете, на тронутой холодом старой скамейке во дворе дома, на «Портах». К тому же ребятам нужно было дунуть, и мы отправились в подъезд. Вернее, мы думали, – куда бы пойти. Хорошо, что кто-то вошел, приложив магнитный ключ к кругляшку домофона, и мы смогли беспрепятственно пройти внутрь. Заодно решив проверить крышу «№1», поскольку она была уже закрыта около года, по словам некоторых.

Какой-то пиздюк, когда мы зашли в подъезд, испугался нас, увидев. – Лифт открылся, – а он стоит в углу, закрывает лицо рукой. Мы не пошли за ним. – Двери закрылись, и он уехал, не успев спуститься. Андрей выругал этого пиздюка. А Дима на это сказал, что-то типа – вот, он, мол, педагог по образованию. Мы одновременно ослабились.

Я подумал, почему-то, что тоже как-то боялся в детстве всяких дядек; мне казалось, что за мной они ходят, преследуют и хотят меня убить или

изнасиловать, или похитить. Я боялся идти в школу и возвращаться из нее. А дома боялся сидеть один. – Вот-вот позвонят в дверь, или она сама откроется, и войдут грабители и убийцы по мою душу. Я запрыгивал с ногами на диван, включал телевизор, и тихонько сидел в одной позе. По телеку показывали сериал «Место встречи изменить нельзя». Я ходил во второй-третий класс. МУРовцы охотились за преступниками; я хотел, чтобы они поймали заодно и тех, кто за мной идет, когда я направляюсь в школу, или из нее.

Когда лифт освободился, мы доехали до последнего седьмого этажа, поднялись по ступенькам до чердака; убедились в том, что крыша открыта.

Дверь, ведущая на крышу, скрипела. Противно так, – визжаще, ржаво.

Дима достал надломленную до середины белую пачку (пачку «Казбэк» и спычки, – просил мальчик-сорванец в советском мультике у продавщицы из лотка) и стал понемножку высыпать на зеленый мятый «красноярск».

Мы вылезли наверх. Позже Андрей пошел встречать Виталика...

Ах, да, на крыше мы с ним выпили еще по чуточке коньяка сначала.

– Здравствуй, родная крыша. – Ну, здравствуй, – сказал он.

– А на ней лучше, – сказал я, – больше обзора. – Да, на этой лучше. Но на соседней не так палевно.

Я обратил внимание на то, что на наши «спальные места» положили моток шланга и каких-то проводов. Рядом, в баке по-прежнему валялись бутылки, – значит, с прошлого лета ничего не изменилось.

Помнится, как мы пьяные улеглись впятером летом и лежали всю ночь. Вино было разлито и как-то остро пахло, смешавшись с запахом покрытия крыши.

До того как лечь, меня тошнило; я и не думал отворачиваться от присутствующих, я сидел на парапете и блевал, временно разозлившись на всех. Меня успокоили. Я лег, подложив под голову свою сумку с шахматами. У других и сумок не было никаких. И вообще ничего не было... Еще мы катались по серому

настилу крыши, и боролись, оцарапав все руки и ноги... Прислонились к нагревшемуся за день кирпичу, и беседовали, несли всякую ерунду; уже почти светать стало. Под утро мы все равно подмерзли. А позже мы еще ходили в три ночи за шампанским. Чтобы дверь подъезда не закрылась, и мы могли попасть обратно, я нашел какую-то швабру и положил ее на порог.

В магазине я потянулся за шампанским, но Андрей произнес: нет, будем пить дорогое, – и взял то, которое было по триста рублей что ли, – я не помню точно. Деньги, все равно нам любезно предоставлял как обычно Жорик. Потом были первые накрышники. (Что вообще может измениться в этом городе, где царит безвременье? Что такого может измениться?). Ну да, – вспомнил, – мы были здесь последний раз, когда устраивали последний накрышник, в первый день сентября 2010 года. Теперь здесь снег, как и на соседней крыше, «№2», по улице пр. Ленина 22а, где мы обитали в этом году в основном, и где тоже мутили накрышник с моими стихами и прочей хуйней. «Номер два», «номер один» – это условно. Еще я трахал на ней девчонок. Для многих крыша – это самое плохое место. – Что угодно, но только не на крышу. (Особенно для девочек). Многим девочкам запрещают родители ходить на крышу. Они вбили им в детстве, что это плохо. – Что угодно! Но только не на крышу. Ты могла сделать что угодно, но не на крышу пойти! Там наркоманы, бомжи и педофилы! – говорят родители. Я ни разу, ни разу пока что не видел на крыше ни одного бомжа, наркомана или педофила...

Крыша – территория моей маленькой душевной свободы в этом городе.

...Она лежала на темно-ржавом листе железа, на парапете, а я стоял и трахал ее; в мои ноги больно впивались края этих ржавых листов. Трусы она носила в основном белые, и они меня как-то не возбуждали, признаюсь; как-то по-пионерски они выглядели. Но фигура, да, – занятия танцами сделали свое по сути неплохое, даже хорошее дело. – Фигура у нее была точеная. Почему вы скажите – «была»? – Я отвечу. – А она уехала, предварительно уйдя от меня, – надоело ей всё. И я надоел. Захотелось нового, новых чувств, ощущений. А потом, правда же, здорово совмещать материальное с полезным?! И приятное с полезным, то есть. А хули теряться? Она собралась уезжать, – у нее в планах было стопудово уехать с концами. Нахуя я ей нужен? Нихуя не нужен. Я был нужен только для исполнения ее мимолетных задач, на пути к цели; там к фотографу ее сводить знакомому, заплатить за нее, купить чего-то, еще чего-нибудь сделать. Она капризничала, а я терпел.

Один раз, когда я ее встретил после театрального банкета, пьяную, она набрала в рот минеральной воды, а потом весело выплеснула мне ее в лицо. Смачно так, с брызгами и звуком. Так захотелось в тот момент ее ебнуть по роже, по ее белому кукольному лицу, чтобы почувствовала, блядь, чтобы поняла что-то по жизни, что есть что-то серьезное и настоящее, что, блядь, есть честность, и что деньги в конце-концов тяжело зарабатывают честные люди, с невеселыми лицами, – такое что-то в мыслях завертелось в тот момент. Но я конечно сдержался, чтобы ее не ебнуть кулаком по морде, просто не знаю, как, но сдержался. Я улыбнулся и что-то сказал вроде того, что не стоит так делать и так себя вести. В таком духе что-то сказал. Она в ответ смеялась, и вела себя как самая настоящая тварь и сука. Как тварь. Но и такую ее, я любил тогда, и все прощал тут же, какой бы номер она мне не выкидывала.

Еще она, помню, говорила, что у нас сексуальная несовместимость, и была недовольна тем, что я недостаточно резко в нее вхожу. Ей нужно было резкости, она любила дрыгаться, – мне же этого не хотелось. – Куда еще резче? – говорил я. – И так сильно вполне... Специально меня третировала.

На улице был конец апреля... начало мая... конец мая. Полтора месяца мы весело проводили время на крыше. (Теперь там только твои влажные салфетки носит ветер, – не удержавшись, написал я ей как-то). Она была актриска. Русская красивая дура, мечтающая о большой жизни в столице. Внизу проносились машины, а из соседнего дома, из окна пялился скучный мудака какой-то, а из другого окна – старый дед. Мы никого не стеснялись. А что такого нам-то, влюбленным? Хотя, у меня есть такие знакомые, вроде того скучного мужика, которому не дают телки, и им приходится жить в своих извращенных фантазиях. Ведь те, кому не дают и становятся, наверное, уродами, у кого с этим делом не все в порядке... Но не ходят скучные мудаки в наше время по крышам. Они хотя бы не знают, как туда попасть на нее. По крышам шляются провинциальные поэты с провинциальными актрисками, мечтающими о большой карьере, конечно же, в первопрестольной...

Если идти трахаться на крышу, зайдя с первого подъезда, то вас будет видно с соседних домов, скорее всего. А если с последнего, где красуется наша, как бы сказали когда-то, непристойная надпись в стиле граффити, то видно с высоты, по улице Гагарина, в которой сейчас разместился корпус ебаного политеха.

Кстати надпись служила (и еще послужит, если не закрасят) хорошим фоном для фотографий и стихов. Вот вам территория свободы. Крыши.

Я когда ходил устраиваться на работу в этот самый политех, то там имел честь общаться с одним гондоном, который разводил меня на деньги, вместо того, чтобы тупо принять на работу. Редкий мудила.

Стоя на чердаке, я снова задумался, что мы все так и не повзрослевшими подростками остались. Нам всем уже сильно за двадцать. А кому-то уже и тридцатник есть, и даже поболее. – Мы как подростки, сбежавшие от родителей, стоим холодным ноябрем, на чердаке крыши «№1» и собираемся дуть. Вернее, ребята мои собираются.

– Мы как классические «темные» личности стоим, выжидая. – Страшная дверь, дверь никуда, – говорит Дима.

Я подкладываю под нее, под дверь брусок железки, но она все равно сильно скрипит на ветру. В этом году очень рано началась зима, прямо в начале ноября, и нам приходится внюхиваться, думать, – а вообще попросту жить в своем городе, где стоит непонятное безвременье, если ты в нем родился и задерживаешься в нем, пересидиваешь, ничего не меняя. Это заметно только тем, кто в нем родился, и чувствует свою привязку к нему. Большинство из нас до сих пор безработные. Неустроенные. У всех почти есть высшее образование, а у меня теперь и ученая степень имеется, но хули толку от всего этого?!

Приходит Виталик, с деньгами, и мы идем в кулинарию пить коньяк. Первый коньяк с пятью звездами на борту почти закончился. Мы возьмем его с собой, в кулинарию, и будем по-советски подливать его в стаканчики, незаметно, когда будем распивать другой.

ДЖУЛЬЕТТЫ МОЕЙ ЭПОХИ

Они хорошие и приличные девочки. С хорошими манерами. В меру безалаберны, в меру ответственны. Хороши собой, интересны, даже добры. Как я порой

жалею, что не поживу и не проживу все их перипетии, и уж явно, скорее всего, не буду со многими лично, никогда не буду знаком. Они родились и росли с детства добрыми мечтами. Таланты у них точно есть. А то, что красивы, интересны и хороши собой – это точно. И я влюблен в них, в наших девочек. Во всех. У нас лучшие девочки на земле.

Подростковый возраст им говорил свое, детский – свое. Потом вот, юность. Дальше еще лет пять-семь и зрелость. И все, к сожалению, вроде бы и прошло. Все, что могло быть и случиться. Она готовилась, ждала, возбуждалась – и вот прошло. Дальше будет только повтор событий; а точнее бесчисленные попытки повтора. Но сначала было девичье равенство (да, скажу так – равенство). Они пошли в актрисы. Смелый выбор, но они знали что пройдут. И вот этот возраст – 17-20 лет. Сейчас должно случиться, произойти. Но всегда лето меняет осень и так далее по всем временам года. Год прожит. Студенткой она играет в основном в массовке. Это отлично. Парни хотят тебя, и более взрослые мужчины, скрывая от своих осточертевших жен, тоже хотят. Меня всегда интересовало: счастлива ли она? Есть ли у тебя это чувство полной эйфории? У меня было. Хоть и была это местная наша студия, но после спектакля я мечтал только о следующем спектакле. Я хотел следующий раз опять и опять. И девочка у меня была. Она меня целовала в коридоре. А я в гриме, костюме новогоднем, страшный такой весь стоял. Я сохранил это чувство навсегда. Да, иногда жалею, что не пошел дальше, а остался с тем, с чем остался. Но я живу так, поверь мне, читатель, как будто я на этой самой главной вершине уже когда-то был (а я искренне считаю так, что да, именно был). А как у тебя? Песня «La Luna» тревожит дух и разум? И ты впервые осознанно отдавалась уже по-взрослому, не как мелкая, да? Роль дали одной. Джульетту. Потом другой, если повезло. Да и каждая получила роль. Но дальше больше – и уходит юность. Спешешь из служебного входа на улицу прожить. Стать взрослой по-настоящему. Глаза блестят. Иду мимо, встречаемся взглядом. Всё понимаю, иду своей дорогой. Ты – своей. А может, давай вместе, а? Вдруг это – я? Я ведь тоже... Ну ты же знаешь... Я же рассказывал тебе. И всё тогда будет. И «La Luna» заиграет для обоих. Станет радостно и все, наконец, понятно. Такое редко бывает. Ты скоро вырастешь, и даже это тебя волновать перестанет. Страсти и иллюзии исчезнут. То, из-за чего ты просыпалась ночью и думала. Выйдешь, может замуж, но не за того, кого представляла на сцене, да и вообще – не за того. Разведешься. Выйдешь еще раз зачем-то, на этот раз уж точно «за кого надо, и следовало бы с самого сначала выйти».

Желаю, чтобы все равно все было удачно. Вдруг мы опять встречаемся когда-то, в какой-то другой жизни, или времени, и останавливаемся. Теперь я счастлив.

МИКРОРАЙОН

Он называл наше детство за 27-м домом «тропой смертного Гуки». Мы как всегда играли, бегали. Мы все детство пробегали с ним. И дружили как братья. Мы любили друг друга.

Мы бегали, я ловил его...

Но раньше деревьев, зелени было больше. Лето было. Можно было прятаться. Ловить воздух вечера: листва и влага. А днем: раскаленный воздух железобетона и пыль.

А, по сути, нам все равно было.

Подъезд, песочница, двор, – все из бетона.

Новостройка; да, на тот момент новостройка...

Почему, «смертного Гуки?» – спрашиваю. – «Не знаю. Ну, просто смертного Гуки», – отвечал. И даже, я полагаю, тут фильм про всяких индейцев ни причем.

А потом перестали общаться. Выросли.

А в школе Андрей сказал: «Одна пуля на двоих». Он тоже любил типа поэтично выражаться. Мы тогда «охотились» за «сусликами», двумя девчонками, так мы их ласково называли, за то, что они были маленького роста. Мы вместе стояли на посту №1.

Сейчас эти «суслики» взрослые тетки. И следа не осталось от их былого. Обе завели детей и мужей.

Зато когда я уединялся, то представлял одну из них. Ну, вы поняли, о чем я.

В журнале было сказано, что наши в городе... Да, так и написано в рубрике: «Наши в городе».

Хорошо, блядь, сказано. Оптимистично. Я поверил. Тоже давно это было. В прошлой жизни.

А в спортивном фото-журнале за 1989-й год было сказано: «Но нет нам финиша, есть новый старт». Советский журнал. Мне его тетя подарила, когда умер дядя. Журнал так и пахнет до сих пор его крепкими сигаретами.

А еще был когда-то колхоз «Красный Партизан»... Это я читал.

И был такой случай... Рассказывать не буду.

Святая душа на костылях.

Бледная немощь.

И всё, – сказал Генка, – тут нам и шабаш – поймают! Я улыбнулся.

Такое время было: время тушить свет и сливать воду, как говорится. И это самое «как говорится» – самое глупое выражение, какое есть.

Андрей выразился: «Юбилей смерти». Мы сидели у меня дома. И метили в музыканты.

Вовчик высказался: «Ханыга».

И вот, мы всего лишь запутавшиеся мальчишки.

Кто-то вспомнил мотоциклистов из мультфильма.

А кто-то закричал: «Остановитесь, христиане!»

- Ха, действительно, ему сам черт не брат!

- Бабка старая с мешком похуярила пешком, - сказал злой Лёшка.

- Ты, Петёк, на баяне херачишь? - спросил Кирилл.

- Херачу! - Петёк повеселел. Раздобрел.

- А гантели тягаешь?

- Тягаю! - Петёк расплылся совсем. Но нужно было готовиться к экзамену.

Влад сказал: «Да я все положил в талмуды и забыл».

Он ходил в синей теплой куртке. И любил спать на уроке. А когда учительница его будила - он хамил.

Мы сидели с ним рядом в те серые зимне-весенние дни, и я почему-то об этом приятно так вспоминаю. С теплотой.

А один говорил так: «Слово за словом, хуем по столу!»

Мы смеялись. Он был старше, и мудрее.

Вообще, живи так, как будто бы сегодняшний день последний...

Сережа тупо шутил. Да и Андрей шутит не лучше. У нас полстраны шутит однообразно. Шутят так, как шутят в юмористических передачах.

Влад просыпался, шарил рукой в темноте будто:

– О, сигареты! О, спички! – Живем!

За окнами был нескончаемый февраль. Время – около двенадцати ноль-ноль.

Все собирают деньги, и ты сам говоришь – и два рубля сверху.

– Ни хера, – сказал Херасов.

Саша придумал персонажей: Шнапс-Капитана и Хер-Майора.

Андрей снова придумал название: «Мертвый марш».

Влад пошел бы в библиотеку воровать книги. А Андрей – технику.

Так, первый у нас приходит Лесбиянов, – шептались девочки.

– А затем Роллингстоунсов, – это я добавил, но уже позже. Я рядом стоял и все слышал. Одной из девочек я очень нравился.

На 8-ом этаже, где жил Костик, была надпись: «Костик – Лапусик».

Тайные вредители мы с Андреем.

Он гадкий поделщик. Был им.

Что, опять подлоктями загорал, – спросил все тот же Андрей.

Займись же делом, наконец: хуй, гвозди – у кассы.

– Мы были начальниками задних парт. – Чего-чего? – Ничего...

– Мне не до девчонок, мне учиться надо, – говорил Кирилл, – я же гимназист.

Еще мы были шахматистами-затейниками с Андреем. Наш послужной список игры составляли: спектакль в школе, плотина ГЭС (на запретной зоне), ТЮЗ.

Максим не знал, желал ли он вечером легкого досуга, или нет.

Вот ты каналья, вот ты гангрена! – ругался Владислав известно на кого...

И все возрадовались, играя в карты.

– Молится, или больной, – подумал Иван. Он известный революционер.

– Дамы с вещами, на выход, – распорядился Андрей в троллейбусе.

Иринка собирает свои хулиганские цитаты.

– А что, мне с вами нельзя? – спросила девочка.

– Нет, конечно! – ответил пьяный вдребезги Лебедев.

– Так, Костик, бери себе! Сабе. Бери, – сказал дядя Сережа, его отец. Мы играли в карты на пляже. Сергея мы звали Сорогой.

Дядя Сережа до сих пор ходит в куртке, в той, что носил еще и в 1996-ом году.

Одного мужика мы обычно обзывали бородатым ослом, равно как и лысым чертом.

Психически нездоровый Саша кричал:

– А ничего не было! Не считается! Ца! А никто ничего не видел! А кто докажет!?
А так немцы делали!

Тетя Таня искала первого августа две тысячи второго года сына:

- А где Костик?

- А вон, «четверка» белая стоит.

- А что он там делает?

Мы засмеялись.

Саша носил кличку «Би-Би». Его все знали. Абсолютно все. Его отец умер от водки. Саша и без того был неполноценным, а потом вообще обострилось.

- Милый мальчик мой! - называл он Димку, когда играли в футбол за церковью.

Баба Маша сказала:

- Книга интересная. А я красивая.

- О, какой голосок, слышал?! А! Слышал, как он крикнул-то? - торжествовала женщина в маршрутке.

- А у меня сумку спиздили недавно, - сказала бабка на весь салон авто.

- Как же вы живете? - спросил пассажир.

- Водку пью, анашу курю, с проститутками развлекаюсь! - приколол водитель незадачливого пассажира.

- Вы бы хоть до шести считать бы научились!

– Да мы и больше научились, да считать нечего, – сказал дед.

Сидим, сидим. Саша сказал: «Эх, ма!»

И опять сидим, сидим...

Два урока подряд мы с Владом убивали время. И не раз. Часто так бывало.

А потом весна началась. А еще зимой в меня влюбилась Анжела. Я ее поцеловал при всех на столе, уложив ее на стол. А она поцарапала мне шею когтями.

Андрей хотел написать некролог. Ему вернее даже только слово одно понравилось само: «некролог». Ничего писать он не собирался.

Слава Г. часто возражал:

– Я не пойму, когда кончится вся эта пидерсия!?

Мы играли в «менеджер». Саше не понравилось, что кто-то ворует.

Артем обратил на себя внимание воплем:

– Что на меня смотрим?! Танцевать буду!

Аня осторожно предположила: «Ну что, всё? Сейчас трахаться будем?»

Дело повисло в воздухе.

А я подумал, что каждый из присутствующих хотел бы.

Но я не помню уже: какая Аня именно это сказала. Я и саму Аню не помню.

Карточный зачинщик я в новогодней сказке. Как давно это было... Картежная банда. Ну, просто шайка заядлых картежников.

- Ну, дурындас!

- Улыбаешься, как клоун в балагане! - я люблю советскую литературу.

Кондрашевич сменил фамилию на Игнатюк-Касьянченко.

«И я стою, и ржу идиотом» - хорошая цитата.

Несуразицу несешь, матросик.

Артем под Маяковского читал стих: Я знаю! Верю! Буду! Надо!

Артем бодро ходил по коридору.

А Кондрашевич снова сменил фамилию на Сокольников-Крупскую.

Люблю тебя, а за что не знаю, что-то в тебе есть! - зверел Артем.

У него бугристая кожа крокодила.

Еще я сказал Диане, что у нее мужа будут звать Авдий, а Артем сказал, что даже не Авдий, а Авгий. А я добавил: Авгий Диогенович. В итоге дурло обиделось. Мы ее звали дурлом.

Артем, ты аист, – говорил я.

Артем, ты луговой волк, – говорил другой.

Кирилл грустно сказал, когда мы в последний раз в жизни прогуливали математику, последние дни доучивались: «Скоро кончится наша иерархия».

Стало грустно. А ведь за эти годы Кирилл стал почти великим пиитом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/hlyamin_leonid/korotkie-istorii

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)